

Воспоминания Марии Ивановны Голубевой. 2014 год
«ОЧЕНЬ ИНТЕРЕСНОЕ СТАРИННОЕ СЕЛО»

М.И. Голубева

Поздно ночью, 10 августа 1961 года, со скорого поезда «Харьков–Владивосток» на железнодорожном вокзале г. Красноярска сошла группа жизнерадостной молодёжи в составе девяти человек. Это были выпускники физико–математического факультета Воронежского педагогического института, направляющиеся на работу «в целинные районы Красноярского края» – так было написано в наших комсомольских путёвках. В их числе была я – Шарова (Голубева) Мария Ивановна. Подготовка к этому событию – «этапирования в Сибирь», как шутили мы в группе, – началась в институте заранее. Распределение на работу после окончания вуза было в то время под жёстким контролем, и это понятно: обучение студента в течение пяти лет, общежитие (почти бесплатное), стипендия, позволяющая вполне сносно прожить без помощи семьи, обходились государству не дёшево, и поэтому нужно было отработать три года там, где ты в данный момент нужен был больше всего.

Ещё в марте, за три месяца до окончания курса, большую группу студентов по списку пригласили в деканат факультета. Выступление декана разъяснило ситуацию. Докладчик напомнил, что наш институт входит в число вузов, работающих по экспериментальной программе перехода от двухгодичных учительских институтов к педагогическим с пятилетним сроком обучения, что он считает, что мы хорошо подготовлены и уверен, что докажем это. Выпускников с удовольствием примут во многих средних школах области, но Министерство обязало удовлетворить заявки других регионов. В частности, такой запрос поступил из Красноярского края. Распространившись совсем немного о достоинствах края, он подчеркнул, что мы направляемся в его целинные районы. Так появилась запись в наших путёвках. О Сибири в Европейской части России тогда имели смутные представления. Целины здесь не было. Желающих отправиться в Сибирь набралось больше десятка. Действительно, к работе нас готовили серьезно. Институт располагал в то время хорошей учебно–материальной базой: новый учебный корпус (построили пленные немцы), общежития для студентов, жилой корпус для преподавателей. Когда мои сокурсники – «технари» из других вузов – увидели мою «зачётку», их поразила насыщенность программы. Кроме двадцати предметов математического цикла, многие из которых были двухгодичными, появился трёхгодичный курс «Проекционное и техническое черчение с методикой преподавания». Из–за него обширно изучалась геометрия – аналитическая, дифференциальная, проективная, начертательная. Вводились сложнейшие теоретические курсы: «Основы машиноведения», «Теоретическая механика»; спецпрактикумы по моделированию, сопромату измерению, геодезии (кроме собственных, они частично проводились в лабораториях других вузов и на заводе).

По сравнению с нашими основными предметами такие курсы как политэкономия, основы диалектического и исторического материализма, основы философии, были для нас просто отдыхом. У меня по всем из них было «отлично», кроме истории КПСС. С детства у меня проблема с датами. Если это связано с историей, до сих пор справляюсь у внука Евгения. Он увлекается историей, хотя это совершенно не связано с его специальностью и работой.

В истории партии я никак не могла запомнить, какие вопросы, когда и на каком съезде решались. Кроме того, общая тетрадь с лекциями по этому предмету вызывала у меня какое-то чувство настороженности. Я люблю свой предмет за то, что истины, которые в математике утверждаются, верны, как говорится, для всех времён и для всех народов.

С историей КПСС у нас на курсе было так. В марте 1958 года нашу Раису Викторовну вызвали в Москву на две недели. Вернувшись, она попросила открыть лекции, и мы несколько часов вычеркивали абзацы, главы и даже целые лекции. Началась «борьба с культом личности». В прифронтных районах, где мы жили, Сталину верили, его ценили. И вдруг то, что было понятно и верно вчера, сегодня оказалось неправдой. Учить материал по исчерпанной тетради было невозможно, я еле-еле «дотянула» до «хорошо».

В поэме «Выпуск – 64» А.Ф. Карнаухов отметил, обращаясь к выпускникам: «Под новым богом, под Хрущёвым, / Растили сами мы богов.

/ Все ваши десять лет учёбы / Совпали с властью его». И дальше идёт характеристика этого лидера: «Был он весь от плуга практик», при нём «оттепель пошла такая, что побежали струи с крыш», «Культ он Сталина громил, создавая собственный» ... и – прямо из сегодняшнего дня: «...в пику русскому народу / Отдал он Украине Крым... / За одно, что Крым наш слопал, / Мало бы и пули в лоб, / Отдал он и Севастополь, / С ним и Черноморский флот. / Отдал, будто для забавы, / Не в сражение, не в войну / Город вечной русской славы / Шлёт проклятие ему».

Это написано в 2004 году десять лет назад. Хорошо помню, как в Кежме, в 1965 году мы «свергали» со стенки в кабинете заведующего районо В.Ф. Филиппова портрет этого яркого борца с культом личности Сталина.

Наши студенческие годы тоже совпали с так называемой «хрущёвской оттепелью». Она внесла демократические начала в студенческую жизнь. Конкурс (двадцать – двадцать пять человек на одно место) «отобрал» способных, трудолюбивых, желающих и умеющих учиться. Стимулом было ещё и то, что с тройками в зачётке студент лишался стипендии, без которой большинство просто не выжило бы.

Комсомольская и профсоюзная организации, студенческий совет оказывали серьёзное влияние на жизнь вуза. Вопросы учёбы, отдыха, питания в столовых, бытовые условия постоянно стояли на контроле. Огромную роль начинали играть всесоюзные акции, в которых участвовали студенты. У нас была ЦЕЛИНА.

В северный Казахстан, в Кулундинские степи, ехала молодёжь со всей страны. Целина – главный хрущёвский проект. В 1957 году Воронеж отправил на уборку урожая железнодорожный студенческий состав. Из нашей группы первокурсников было двенадцать человек, в том числе комсорг и профорг. Мне лично было семнадцать, другие – постарше (кто поступил после педучилища). Для нас целина действительно стала школой жизни. Мы быстро научились самостоятельности и организованности. Няnek не было. Надо было очистить, высушить и отправить на элеваторы (зернохранилища высотой с девятиэтажку) тысячи тонн зерна нового урожая. Мы обслуживали две сушилки по три человека в две смены. Особенно трудно работать ночью. Сырое зерно тяжёлое, даже с небольшой деревянной лопатой за семь часов можно «умаяться» до ломоты в суставах. Машина не даёт отдохнуть – через

неделю мучительных упражнений мы «втянулись».

Целина внесла в нашу жизнь ещё один немаловажный фактор: у нас появилось много знакомых из других вузов, обмен билетами на вечера, совместные вылазки на природу студенческие пирушки... Жизнь стала интересной.

Возвратившись в середине ноября на занятия, мы поняли, что сокурсники спокойно занимались два с половиной месяца, пока мы работали, догонять нам их придётся самостоятельно, а зимняя сессия – через полтора месяца. Декан ничем помочь не мог, так как лекции уже прочитаны и оплачены. Правда, «целинникам» в первом семестре обещали стипендию и с тройками. Разобравшись с пропущенным материалом, мы распределили его между собой, готовили тщательно, чтобы быть консультантом по своим темам. Перед сессией организовали повторение с конспектированием, ответами на вопросы и прочее. Фактически, применили КСО – успешно применявшийся позже некоторыми учителями и у нас в крае Коллективный Способ Обучения. Не блестяще, но вполне успешно сдали зимнюю сессию.

На нашем курсе, в отделении математиков, было две группы, наша была набрана из «медалистов». Уже после первой сессии выяснилось, что часть студентов из медальной группы просто «зубрилки». В конце второго курса комиссия из университета по приказу свыше проверила уровень преподавания на нашем факультете и установила, что часть преподавателей не соответствуют занимаемой должности. Математический анализ – главный и труднейший предмет математического цикла. Вместо нашего «дедушки» лекции стал вести молодой энергичный профессор М.А. Красносельский. Он же принимал экзамены. Из двух групп положительные оценки получили меньше половины. Самое обидное, что почти все «срезались» на определениях, которые знали наизусть, но не понимали сути.

Эта история имела продолжение. В конце сессии пятерых из сдавших пригласили на кафедру, где профессор в присутствии наших преподавателей рассказал, что в университете открывается факультет электронно-вычислительной техники, так как страна далеко отстала от Запада в области кибернетики. И он (как декан этого факультета) приглашает нас позаниматься летом, и, без понижения курса, с сентября начать занятия на новом месте. По окончании учёбы мы будем первыми в стране программистами. Распределение будет в три центра – Дубна, Новосибирский Академгородок и ещё куда-то, не помню... Я увидела «загоревшиеся» глаза сокурсников, и мне стало стыдно: два года наши преподаватели возились с нами, а сейчас вот так открыто переманивают студентов. Может быть, мой патриотизм был бы не так высок, если бы не одно обстоятельство: я с детства не в ладах с техникой. Я понимаю устройство, принцип действия, но не люблю работать с машинами сама. Вся семья потешается надо мной до сих пор. Четверо согласились с удовольствием, а я сказала, что хочу быть учителем. Вот так не состоялся из меня «первый программист». Третий и последующие курсы прошли легко, теория перемешалась с практикой в школах, пионерских лагерях, лабораториях, на заводах. На пятом курсе мы всю первую четверть вели самостоятельно математику в сельских школах. В конце июня я как лучший «плакатист» курса собственноручно заполнила дипломы и приложения к ним всей своей группе. Первого июля нам вручили документы, и мы были свободны. Отъезжающим в Сибирь объявили о времени и месте сбора для организованного отъезда. Билеты были куплены заранее, и 6 августа наша шумная компания

отправилась на вокзал. Вероятно, потому, что нас было много, что мы все ещё вместе, тем более с преподавателем, при отъезде не было ни грусти, ни сожаления. Как будто бы мы в очередной раз отправились на картошку в колхоз, на экскурсию или на практику

В поезде наш преподаватель, молодой аспирант с кафедры физики, объяснил, почему мы едем в сопровождении: дорога в Сибирь и питание большинству наших родителей были не по карману поэтому эту сумму оплатил институт. В Красноярске Управление образованием – наш наниматель – вернёт затраты, а передвижение по краю, подъёмные и командировочные выплатит каждому, исходя из места распределения. В Красноярске нас встретили, и мы отправились в гостиницу на улице Республики, 40. Шли довольно быстро и заметили, что улицы застроены деревянными одноэтажными домами, дома старые, ставни закрыты. Нам это казалось необычным – у нас там, дома, всё «нарядное, весёлое», а тут везде всё «серое». Обсуждение прервал преподаватель: он сказал, что в детстве жил в Красноярске с родителями, эвакуированными из Воронежа вместе с комбайновым заводом. Воронеж не моложе Красноярска, но его немцы «проутюжили» так, что не осталось ни одного целого здания. Били прицельно, так как знали все объекты военного и промышленного назначения. Воронеж идеально подходил для заводов, которые строила Германия, и по климату подходил многочисленным немецким специалистам, инженерам, наладчикам и прочим. Военные «спецы» тренировали наших лётчиков, механиков и прочих на аэродромах возле города. Карты местности, которыми пользовались танкисты Паулюса, были точнее, чем у русских. Мы слушали эту лекцию, разинув рты. Нам никто об этом не рассказывал. На другой день в кабинете, с огромной картой Красноярского края, деловая женщина распределила всех по местам. Целина, означенная в наших комсомольских путёвках, оказалась арктической: Игарка, Дудинка, Норильск. Со мной вышла заминка. О Сибири все имели смутное представление, никто не подсказал про погоду, а у меня самая тёплая вещь – плащ. Я объяснила начальнице, что родители мне всё вышлют, когда я сообщу точный адрес. Повернувшись, она спросила у скромно сидевшего в углу мужчины в штормовке и с рюкзаком (это был заведующий горно Норильска): «Как там у вас с погодой?». Он коротко ответил: «Озёра в этом году не растаяли».

Надежда Васильева Зубкова (так звали начальницу) подошла к карте, показала кружочек в самой северной точке Ангары со значком якоря и сказала: «Ладно, поедете в Кежму, там требуются такие специалисты, есть заявка. Очень интересное старинное село, своеобразное, не пожалеете». Так судьба распорядилась по-своему. Дальше – ещё интереснее.

Военный транспортный самолёт «Ли-2» с железными сидениями – не очень комфортабельное средство передвижения. Женщина, сидевшая рядом со мной, спросила, хорошо ли я переношу полёт. Я ответила, что лечу в первый раз. Она попросила разрешения прислониться к моему плечу, если ей станет плохо. Я бодро согласилась и, к чести, держалась хорошо.

Это была жена заведующего Кежемским районом Филиппова Александра Иосифовна, будущая моя замечательная соседка. Всем кежмарям известен большой добротный коттедж на Школьном городке, выходивший окнами на стадион, но мало кто знает, что этот вместительный и в то же время компактный дом Александра Иосифовна спроектировала сама. Именно туда с аэропорта и привезла нас машина, и Александра Иосифовна уговорила

Василия Филипповича не посылать меня во Фролов–скую семилетку, а оставить в Кежме. Главным аргументом было то, что, кроме математики, я знаю ещё и черчение. Утром мы отправились в РоНО, и я была оформлена приказом в Кежемскую среднюю школу. Это связало мою судьбу с районом на сорок пять лет, из них тридцать приходится на Кежму. Директор школы – должность не из лёгких. Редко какой хороший учитель может быть хорошим директором. В процессе работы ему ежедневно приходится взаимодействовать с большими и разными группами людей: с педагогическим коллективом, с учащимися школы и их родителями. Главное из этих звеньев – «директор – педагогический коллектив». Если оно отлажено – успех школы предопределён.

В начале шестидесятых, когда я приехала на работу в район и получила направление в Кежемскую среднюю школу, А.Ф. Карнаухов был уже год её директором. Школа имела свою историю и традиции, заложенные и воспитанные её предыдущими директорами, имена которых ещё помнили те учителя, которые проработали в школе десятки лет. Однажды, при случае, я спросила В.М. Мартынова, секретаря райкома, как он попал в наш район. Он объяснил, что Кежму ему рекомендовал И.Б. Добрицкий, отец его жены, как одно из интересных мест своей прежней работы. В школе уже была высоко поднята «планка» преподавания учебных дисциплин. Среди выпускников предыдущих лет были заслуженные – врач и несколько учителей, два доктора и три кандидата наук, военные высокого ранга, работники высших партийных органов, вплоть до ЦК. Высокие требования к преподаванию сразу чувствовались по темам педагогических советов и методических совещаний. В школе работал слаженный коллектив. С виду – обычная, стандартная для всей страны жизнь школы: «Рабочая неделя – шестидневка, / Уроки – сорок пять минут, / Экзамены – и юношам, и деткам, / Все–все их каждый год сдают».

Коллектив учителей небольшой–десять–одиннадцать человек, сугубо женский: некоторые – из педагогических училищ, а часть из них пришла в школу после педклассов, заменив ушедших на фронт мужчин. В этом небольшом коллективе половина – орденоносцы и отличники просвещения: В.М. Ширяева, К.Г. Усольцева, Е.М. Скулина, Н.П. Анкудинова. От них я принимала хорошо подготовленных, воспитанных и, главное, открытых и общительных детей.

Неброская одежда, негромкий голос, уроки спокойные, «рабочие» – без парадности. Можно при желании найти некоторые методические шероховатости, но всё компенсировалось любовью к детям, знанием каждого ребёнка, стремлением помочь, подбодрить и вовремя похвалить. Ученики начальных классов занимались в отдельном здании, старшие классы – в трёх корпусах, которые учитель, директор и поэт в одном лице А.Ф. Карнаухов так романтически описал в «Оде Кежемской школе»: «Когда в вечерний час туман садится, / Три корпуса твои плывут вдаль, / Как будто спят огромнейшие птицы, / Без парусов застыли корабли». Строители новой жизни в тридцатые годы, впервые строя школу для своих детей, стремились впустить в здание как можно больше света и воздуха. Классы были огромные, окна – тоже.

Организация занятий, их здоровый ритм полностью зависят от завуча. Меня всегда удивляло и восхищало, как гуманитарии – Карнаухова Евдокия Филипповна (историк) или Попова Валентина Захаровна (литератор) – так мастерски с этим справлялись.

Коллектив преподавателей – стабильный. Кроме местных, здесь приезжие из Москвы, Питера, Владимира, Архангельска, Краснодара. Обстановка –

дружелюбная. Опытный инспектор может определить «климат» в коллективе в течение дня. Здесь все в учительской доброжелательны, общительны: кто шутит, кто рассказывает комическую ситуацию в классе, кто уточняет расписание, и вдруг в эту грамотную русскую речь кто-нибудь «ввернёт» сочную ангарскую фразу – оживляется обстановка, на урок идёшь с улыбкой.

Мне часто казалось, что этот ангарский говор, эту сбережённую в веках старорусскую речь, кежмари хранили для себя как семейную реликвию или фамильные драгоценности, которые показывают или надевают в особо торжественных случаях. Присутствие директора никогда никого не стесняло, он был в «гуще», он был, как все. Не должность, а уважение создавало какую-то невидимую грань и возвышало его среди коллег. У него было другое видение мира: вещи, для нас обыденные, он воспринимал в ином свете, что и выражалось в стихах. Мы, его первые слушатели, часто удивлялись: мы же были там, всё это видели или слышали, а вот осмыслить и выразить так мог только поэт. Для него и школа, и река, и сам ангарский край были одушевлёнными, он общался с ними, как с живыми: «Любимый край, прости и дай мне руку»: «Страдалица, любимая», – обращался он к школе. В Ангаре видит он «поступь гордой царицы и юный задор», её волны «резвятся, как дети», острова спят – «чуть слышен лёгкий вздох». И здесь же, как перед родным человеком, он виновато кается: «Своя земля от сердца откололась... / Издалека я слышу её голос, / И не могу ответить ей ничем».

Главный законодательный орган школы – педагогический совет. Здесь «царила» демократия. По каждому вопросу – оживлённое обсуждение, критика, предложения, поправки. После – голосование. (Мне казалось, что так везде, и как же я часто была удивлена в других школах – не на педсоветах, а на «распоряжениях» директора). Каждую неделю – политинформация, классный час; один раз в месяц он должен быть тематическим, еженедельно – линейки по итогам, раз в месяц – общешкольные тематические вечера и – школьный театр. Это – детище Алексея Фёдоровича: «Милый школьный театр! / Собрание цилиндров, фуражек, тиар, / Фальшивых бород, бакенбардов, усов, / Бояр, воевод, партизан и купцов...».

В отдалённое село, где ещё не было телевизоров, никакой театр не заезжал на гастроли. Школьный театр – это окно в мир, это воспитание чувств. Полный аншлаг в верхнем корпусе, тишина и, при минимальных декорациях, двое на сцене – Маргарита Сизых, вожатая, и Олег Кочетков, десятиклассник, играют «Всем смертям назло». У многих на глазах – слёзы. Рита – старше, и с артистическими задатками. Но меня удивлял семнадцатилетний парнишка, способный осмыслить всю трагичность ситуации и выразить это своей игрой.

К «выпуску-64», воспетом Алексеем Фёдоровичем, я тоже имела отношение: в классах «А» и «Б» я три года, с восьмого класса и до самого выпуска, вела математику и черчение, а в «А», который «...учится...лучше», «Дисциплинирован и строг, / Старателен в учёбе и послушен, / Он честь и чистоту берёт», – была классным руководителем. Это мой первый после института выпуск, причём экзамены за семилетку многие мои будущие ученики провалили; по А.И. Филиппова, занимавшаяся с ними осенью, обнадёжила: дети способные, просто менялись учителя.

После блестящих уроков литературы математика, вероятно, казалось скучной. Постепенно восполнялись пробелы, восстановились связи и

логика курса, и многие почувствовали, что им всё понятно, они успешно справляются; выделились свои лидеры. Они часто не совпадали с теми, кто отличался на уроках литературы. Я всегда хорошо помнила наставления методиста на последней институтской практике: ставь ученику ту оценку, которую он заслуживает, иначе обманываешь и его, и себя. Трудно было выдержать и сохранить свои принципы, когда на тебя насаждает классный руководитель: «Как это тройка по алгебре? Это же гимнастка, чемпионка района!..». Достая тетрадь посещения консультаций – ни одного.

Вмешался директор, правда, корректно и без вызова в кабинет. Проверяя журнал, он, как бы между прочим, спросил, почему в «А» классе девочки имеют оценки по математике выше, чем в «Б». Я объясняю, что и в «Б» есть ученицы с прекрасными оценками, а тем, у кого оценки хуже, видно, сейчас математика не интересна, есть дела поважнее. Тетрадь посещения консультаций его разочаровала – разговор на эту тему больше не возникал.

Из сорока трёх выпускников 1964 года: трое – медалисты, многие юноши поступили в учебные заведения, где сдавали математику. В этом выпуске есть будущий учёный Володя Верхотуров. Трое выпускников – врачи. Наш пожизненный комсорг из «А» Ваня Карнаухов после медицинского вуза работал в Конго – в те годы явление редкое. Четыре девушки – учителя, более десятка юношей – инженеры разных специальностей, среди девушек тоже есть инженеры. Все выпускники нашли достойное место в жизни.

Выше всех наград и знаний я ценю благодарность завуча Е.Ф. Карнауховой после выпускных экзаменов. Она настолько поверила в мои способности учителя математики, что спустя много лет настояла, чтобы я позанималась с внуком Олегом перед поступлением в институт. Юноша был хорошо подготовлен, но, чтобы успокоить бабушку, мы прорешали весь сборник для абитуриентов – моё участие в этом было минимальным. В 1976 году меня избрали председателем райкома профсоюза работников просвещения. Всё это – на общественных началах. Учителя всех школ и воспитатели не ведомственных детских садов хлынули в нижний корпус, где находился мой кабинет математики, со всеми своими бедами. Заврайоно В.С. Егорова просто заставила меня перейти в отдел. Через некоторое время А.Ф. Карнаухова назначили завотделом, а Н.Г. Терещенкову – инспектором школ. До 1983 года – до отъезда Алексея Фёдоровича из района – мы составляли, на мой взгляд, неплохую команду. Главный принцип работы – не уличать, не унижать, а разобраться и помочь, если надо.

Наша машина, отслужив два срока в исполкоме и райфо, досталась нам уже очень старенькой. Не могу не упомянуть нашего шофёра – Филиппова Валентина Илларионовича (в Испании чем длиннее имя, тем знатнее его хозяин). В сорокаградусные морозы мы выезжали в любую точку района, и машина нас не подводила. Хороший рассказчик, он скрашивал многочасовые поездки по зимнику.

По основным показателям наш район входил в лучшую десятку по краю. Районное руководство уделяло этому вопросу серьёзное внимание. Посёлки, особенно леспромхозовские, фактически взяли на себя ремонт и содержание школ и детских садов; учителя хорошо обеспечивались жильём. Каждый руководитель понимал, что хорошая школа привлечёт в посёлок хороших специалистов.

Сибирь, и Кежма в том числе, при царе и после была постоянным местом ссылки. «Волнами» – раз-два в десятилетие – в район завозили людей,

чем-то мешавших в центре. Политические ссылки царской России и советского периода. Именно о них собирал сведения в Верхней Кежме Анатолий Рыбаков. Останавливался он у Алексея Фёдоровича, много напутал в романе «Дети Арбата», исказив рассказы местных, и не вернул хозяину дома черновики записей местного говора. Пришлось ему собирать это заново.

Раскулаченные. Их перемещали по Ангаре. Немцы, эвакуированные с Волги, влились в жизнь ангарцев. Старшие трудились вместе с местными, а дети ходили в школы. Много было литовцев, особенно в леспромхозовских посёлках. «Тунеядцы» (местные пожилые люди называли их «тунеядцами») – игроки всех мастей, женщины лёгкого поведения. «Химики» – условно-досрочно освобождённые, много интеллигенции; работали везде, где требовались такие кадры. Сектанты, несколько религиозных сект, запрещённых в СССР Не работали, не служили в армии. Пробивались частными заработками.

Принимая, отвергая или не обращая внимания, Кежма всё это выстояла, не растворилась в этих «волнах», сохранила свою самобытность.

Доконала её ЗОНА. Зона лагерей унизила ангарцев. Поселив расконвоированных прямо в Кежме, руководители К-100 «взорвали» село; дети, женщины боялись выйти на улицу, милиция реагировала вяло. Пришлось за охрану взяться кежмарям – мужчинам. Действительно, как писал В. Зыков, «кончились на Ангаре идиллии, кончилась на Ангаре гармония».

Со временем и эти вопросы разрешились – осуждённых вывели за пределы посёлков, руководство стало сотрудничать с местными, дети учились в наших школах.

Но – началось затопление.

2014